

В. П. Алексеев

О ПЕРВИЧНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА НА РАСЫ, ВТОРИЧНЫЕ ОЧАГИ РАСООБРАЗОВАНИЯ¹

Вторичные очаги расообразования в составе первичного восточного очага

Первоначальные границы обоих первичных очагов — западного и восточного — трудно очертить с полной определенностью. Территория Монголии и бассейны великих китайских рек безусловно входили в первоначальный ареал восточного очага. Но его границы быстро стали раздвигаться еще в конце нижнего палеолита. Некоторые геологические, палеоклиматологические и археологические данные позволяют думать, что Южная Сибирь была заселена человеком во всяком случае в мустьерское время². Совсем недавно эта гипотеза была подкреплена сделанной О. М. Адаменко находкой нижнепалеолитического отщеп³. Что касается остальных районов Сибири, то все они были заселены уже в эпоху верхнего палеолита. Исключение составлял, может быть, лишь Крайний Север. Заселение Америки по времени соответствовало, по-видимому, переходу от верхнего палеолита к мезолиту в Европе. Была высказана мысль о том, что оно осуществлялось одной волной переселенцев из Сибири, очень малочисленных⁴. Основанием для такой гипотезы послужило своеобразие американских индейцев по распределению групповых факторов крови. Однако помимо теоретических трудностей (малая вероятность лишь кратковременного открытия Берингова пролива, последовательность расселения человечества из центров перенаселенности, слабая возможность для малочисленной группы освоить целый материк за сравнительно короткий промежуток времени и т. д.) это предположение сталкивается и с трудностями фактического порядка: налицо повторные и более поздние миграции в Америку, например эскимосов, известны и случаи почти полного отсутствия группы В у народов Восточной Сибири⁵. Но так или иначе к эпохе мезолита ареал восточного очага первичного расообразования увеличился в несколько раз.

¹ Эта статья представляет собою продолжение статьи автора о первичных очагах расообразования. См.: В. П. Алексеев, О первичной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования, «Сов. этнография», 1969, № 1.

² См.: В. П. Алексеев, Заселение территории Южной Сибири человеком в свете данных палеоантропологии. «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края», Красноярск, 1963.

³ А. П. Окладников, О. М. Адаменко, Первая находка леваллуа-мустьерской пластины в среднеплейстоценовых отложениях Сибири. Четвертичный период Сибири, М., 1966.

⁴ Н. Wormington, Origins. Program of the history of America, I, Indigenous period, vol. 1, Mexico, 1953. О малочисленности исходной группы, правда, без специальной аргументации, говорится еще в работе Г. Ф. Дебеца, см.: Г. Ф. Дебеч, Антропология Сибири и проблема заселения Америки. Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока (тезисы докладов и сообщений), Иркутск, 1960.

⁵ См.: Ю. Г. Рычков, Особенности серологической дифференциации народов Сибири, «Вопросы антропологии», вып. 21, 1965.

Совершенно естественно, что такое увеличение первичного очага расообразования и включение в него новых обширных территорий повели к сегментации расообразовательного процесса и членению единой прежде области на подобласти, в пределах которых расообразование приобрело дополнительную специфику. Верхнепалеолитическое население восточного очага по своему морфологическому облику отличалось некоторой нейтральностью в отношении выраженности монголоидных признаков. Расселение монголоидов на север и потом в Америку позволило сохраниться этому комплексу признаков до современности почти в неизменном виде. Неясно только, принесена ли групповая специфика крови предками американских индейцев из Азии (будучи обусловленной аналогичным распределением групп крови у некоторых народов Восточной Сибири, исследованных, правда, пока недостаточно) или образовалась на новой территории в условиях изоляции (генетико-автоматический процесс). В принципе могли иметь место оба явления, взаимно усилившие конечный результат. Таким образом, американскую ветвь монголоидного ствола можно рассматривать как протоморфную формацию в истории монголоидов, а американский континент — как вторичный очаг расообразовательного процесса, в котором основную роль играло не образование нового комплекса признаков, а сохранение уже сформировавшегося комплекса в условиях изоляции. Дополнительные очаги расообразования в пределах этого вторичного очага (например, Аргентина, Огненная Земля и т. д.), а также переселение новых групп людей (негроидная примесь в составе населения разных районов, морфологические особенности эскимосского населения Арктики) не меняют основного факта — отмеченного единообразия коренного населения Америки в целом. Оно выражается в близости к исходному прототипу по монголоидным признакам и специфике распределения групповых факторов крови.

Иной характер носил процесс расообразования в Восточной Азии. Правда, нейтральные комбинации признаков открыты и в Восточной Азии (антропологический тип тибетцев кама, лоло или носу, и т. д.), но они составляют незначительное меньшинство и являются, по-видимому, реликтами предшествующего этапа расообразования. Однако основные группы населения Восточной Азии отличаются от коренного населения Америки, как известно, заметным усилением монголоидного комплекса признаков. Неоднократно отмечалось, что многие из этих признаков в условиях лесовых степей и полупустынь, а также резко континентального климата имели адаптивное значение. Особенности строения глазной области монголоидов — эпикантус, набухшее веко, узкий разрез глаз — рассматриваются как защита от лесового пыли, уплотненность лица и слой жира на нем — как защита от переохлаждения носоглоточной области в холодном климате и при очень сильных перепадах температуры. Последнее, правда, весьма сомнительно, так как уплотненность носа характерна и для негров. Легко объяснить в этих своеобразных климатических условиях и слабый рост бороды и усов, которые очень мешали бы при сильном ветре, поднимающем тучи песка и пыли. Но как бы ни решать проблему факторов формирования монголоидного комплекса признаков — считать ли его следствием адаптации или каких-то других причин, — остается бесспорной резкая разница в расообразовании между Американским континентом и Восточной Азией. В Америке расообразовательный процесс, как уже говорилось, выразился в основном в сохранении возникших комплексов, в Восточной Азии — в образовании новых комбинаций признаков, частично, очевидно, под влиянием адаптации, частично, может быть, под влиянием и иных факторов (несомненно, например, что изоляция также сыграла значительную роль в дальнейшей сегментации расообразовательного процесса в очень разнообразных природных зонах Восточной Азии). Так, и по морфологиче-

ским, и по серологическим признакам намечается положение Сибири как особой зоны расообразовательного процесса внутри вторичного восточноазиатского очага⁶. На юге специфика расообразования выразилась в основном в интенсивном смешении представителей восточного и западного стволов в эпоху верхнего палеолита, а может быть, и раньше. И с той и с другой стороны в нем принимали участие носители протоморфных комбинаций признаков, причем на результаты первоначального смешения наслоилося последующее смешение между австралоидами и уже специализированными восточноазиатскими монголоидами. Поэтому так сложен антропологический состав Юго-Восточной Азии, которая также должна быть выделена в качестве особой зоны расообразования, характеризующейся в основном интенсивным смешением.

Итак, в пределах восточного первичного очага выделяются два вторичных — в Америке и Восточной Азии. Их древность восходит скорее всего к мезолиту. Правда, протоморфный комплекс признаков, сохранившийся в Америке, образовался, как мы помним, в Восточной Азии раньше, во всяком случае в верхнем палеолите. Но в Америке он приобрел дополнительные отличительные особенности (например, почти полное исчезновение группы *B* могло произойти уже при переселении через Сибирь). У нас пока нет твердых данных для того, чтобы датировать заселение всей территории Америки верхним палеолитом, и поэтому выделение американского очага следует, по моему мнению, возводить к мезолиту. Что же касается формирования характерных особенностей восточноазиатских монголоидов, то это событие нельзя уверенно датировать даже эпохой мезолита: все палеоантропологические находки, на которых отчетливо выражен восточноазиатский монголоидный комплекс, относятся к неолитическому времени. Верхнепалеолитическая находка черепа на Афонтовой горе не меняет сути дела из-за его фрагментарности (как известно, на нем был определен лишь один признак, правда важный, — высота переносья). Поэтому формирование вторичного восточноазиатского очага в мезолитическое время — факт весьма вероятный, но пока не строго доказанный. Ареал восточноазиатского очага не совпадает с первоначальным ареалом образования монголоидов, вторичный очаг значительно обширнее первичного, он включает Сибирь и Юго-Восточную Азию — зоны дальнейшей сегментации расообразовательного процесса.

Вторичные очаги расообразования в составе первичного западного очага

Западный очаг, так же как и восточный, значительно расширился в мезолите: в частности, к этому времени относится заселение Скандинавии и севера Европейской части СССР. Однако расширение западного очага не носило столь большого размаха, как на востоке: восточный очаг увеличился к мезолиту в несколько раз, тогда как на западе, если не считать северные районы, процесс расообразования разворачивался приблизительно в прежних границах. Поэтому сегментация расообразования осуществлялась не в процессе расселения человеческих коллективов, а в ходе все более интенсивного приспособления к условиям существования на уже освоенной территории. Исключение составляли вновь освоенные северные районы Европы, где действовал иной механизм расообразования.

Выше говорилось о том, что австралоидный комплекс признаков представляет собою протоморфную формацию и для европеоидной и для негроидной рас. Формирование более специализированных комбинаций признаков на базе австралоидного комплекса можно представить себе

⁶ См. об этом: В. П. Алексеев, Сибирь как очаг расообразования, «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968.

лишь как дивергентное развитие на основе выделения вторичных очагов расообразования в составе первичного западного очага. По-видимому, наиболее ранним из этих вторичных очагов был европейский, который начал формироваться еще в эпоху мустье (находки европеоидов в позднемустьерских захоронениях, например, в с. Староселье). В условиях сравнительно холодного климата Европы селективное значение приобрело ослабление интенсивности пигментации, что выразилось в посветлении и волос, и глаз, и кожи по сравнению с австралоидами. Весьма вероятно, правда, что наряду с этим действовала и другая причина — показанное Н. И. Вавиловым накопление рецессивных факторов на окраине ареала. Н. Н. Чебоксаров убедительно объяснил этим явлением резкую депигментацию населения Скандинавии⁷. Именно это имелось в виду, когда только что отмечался иной механизм расообразования на севере Европы по сравнению с остальными районами. Но Европа в целом была таким же окраинным районом для всего западного очага, как и Скандинавия была для Европы. Поэтому отнесаясь из центральных областей западного очага на периферию по направлению к Скандинавии, рецессивные гены окраски волос, глаз и кожи постепенно распространились по всей Европе, концентрируясь, однако, в ее северных районах.

Трудно объяснить приспособительное значение выступающего носа. Мы помним, что адаптивное значение приписывалось и мало выступающему носу монголоидов, но аналогичное строение носа у негров ставит под сомнение эту точку зрения. Любопытно, что протоморфная австралоидная комбинация включает среди прочих признаков и выступание носовых костей. У европеоидов оно могло сохраниться просто как бесполезное реликтовое образование, так же как и резкая профилировка лицевого скелета в горизонтальной плоскости. Возможно, что сохранению этой особенности способствовал и селективный процесс — сильное выступание носовых костей удлиняет путь, который проходит воздух в носоглотке; при этом он нагревается, что может оказаться полезным в холодном или прохладном климате. Таким образом, если рассматривать процесс расообразования в Европе в целом, то он выступает как адаптивный процесс, усиленный, однако, по отношению к некоторым признакам (пигментация) действием закона вытеснения рецессивных генов на окраины ареала. Отдельные признаки европеоидного комплекса (горизонтальная профилировка лица, частично выступание носа) сохранились как реликт предшествующей протоморфной стадии. Во всем этом выражается специфика расообразовательного процесса в пределах северной зоны западного очага, специфика Европы как вторичного очага расообразования. Границы этого очага на севере и западе не нуждаются в специальных комментариях, на юге же он включал, по-видимому, не только северное, но частично и южное Средиземноморье (во всяком случае об этом свидетельствует антропологический тип берберских народов и населения Канарских островов). Труднее всего наметить границу вторичного европейского очага на востоке. На юго-востоке он охватывал, очевидно, почти всю Переднюю Азию, Кавказ и Северную Индию, в северо-восточной же части граница могла проходить по Уральскому хребту. Последнее наиболее спорно, так как основывается только на обобщении более поздних палеоантропологических материалов и не может быть доказано прямыми данными. Что касается дальнейшего членения европейского очага, то все проведенные до сих пор антропологические исследования европейского населения не выявили почти никаких морфологических различий между севером и югом кроме различий в интенсивности пигментации. Поэтому разницу между северной и южной ветвями

⁷Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антропологический журнал», 1936, № 2.

европеоидов можно объяснить как результат разного проявления закона отнесения рецессивных генов из центра расообразования на самой окраине ареала и ближе к центру.

Второй вторичный очаг сложился в Африке и также характеризовался адаптивным направлением расообразовательного процесса. Об адаптивности негроидного комплекса писалось еще чаще, чем об адаптивности монголоидных признаков, и в этой области накопилось довольно много убедительных наблюдений. Некоторые из них подтверждены статистически. Так, большой статистический материал, свидетельствующий о высокой межгрупповой корреляции между шириной носа и климатическими факторами, приведен в работах английских биометриков. В тропическом климате расселены как раз наиболее широконосые народы, в частности максимальные величины ширины носа и носового указателя отмечены в Африке. Недавно эта зависимость была еще раз показана с помощью новых данных⁸. Экспериментальное обоснование получила зависимость формы черепной коробки от интенсивности облучения солнцем: характерная для негров гипсистоцефалия является благоприятной особенностью в тропическом климате⁹. Многие другие признаки негроидного комплекса — форма волос, пигментация, форма губ — также были рассмотрены под этим углом зрения. Хотя зависимость вариаций этих признаков от климата не была доказана статистически, но она весьма вероятна: толстые губы, как и широкий нос, способствуют при интенсивной жаре и влажности лучшей терморегуляции, отложение меланина в коже защищает ее от ожогов, курчавые волосы создают вокруг головы воздушную прослойку и так же, как и высокая и узкая форма черепной коробки, предохраняют голову от перегрева. Что же касается пигментации волос и глаз, то она не может быть светлой при темной коже благодаря морфофизиологической корреляции между пигментацией всех покровов. Чрезвычайно резко выраженная прогнатность у народов Африки объясняется в известной степени утолщением губ, при определении вертикальной профилировки лицевого скелета на черепах негрские серии почти не отличаются от австралийских. Кстати говоря, различия между ними почти незаметны и в ширине носа, особенно при сопоставлении наиболее сравнимых черепных размеров. Таким образом, при формировании негроидной расы западного ствола известную роль сыграло не только приспособление к условиям Тропической Африки, но и сохранение некоторых особенностей протоморфной австралоидной стадии.

Границы вторичного африканского очага достаточно определены и в целом совпадают с границами Африканского материка. Исключение составляет средиземноморский север Африки, достаточно давно, по-видимому изолированный от остального пространства сначала труднопроходимыми тропическими лесами, потом пустыней. Он отошел к европейскому очагу, однако позже сложилась зона вторичных смещений между представителями уже сформировавшихся вариантов негроидной и европеоидной рас. Эта зона захватила и северные районы Средиземноморья. Что же касается членения территории Африки на более мелкие очаги и дальнейшей сегментации расообразовательного процесса, то в первую очередь следует выделить юг Африки, где среди койсанских народов представлен специфический комплекс признаков, основным маркирующим отличием которого является сходство койсанских народов по некоторым особенностям с монголоидами. В данном случае яснее, чем в любом другом, проявляется параллелизм в вариациях отдельных расовых

⁸ I. Weiner, Nose shape and climate, «American journal of physical anthropology», new series, vol. 12, 1954, № 4.

⁹ В. М. Волков-Дубровин, Я. Я. Рогинский, Гипсистоцефалия как приспособительный признак в тропической зоне, «Вопросы антропологии», вып. 1, 1960.

признаков и даже их комплексов в пределах различных очагов. Затем выделяются пигмеи, происхождение морфологических особенностей которых недостаточно ясно. Если будет доказано, что они сравнительно недавно отделились от собственно негров и их физический тип является просто следствием чрезвычайно тяжелой жизни в тропическом лесу, то отпадает основание выделять их в качестве самостоятельного расового варианта высокого таксономического ранга (по основным признакам негроидного комплекса пигмеи мало отличаются от центральноафриканских негров). Но пока для положительного решения этого вопроса мало данных. Выделение самостоятельной ветви в составе населения Центральной Африки, которая наиболее полно воплощает в себе характерные особенности негроидного комплекса, не требует специальных комментариев. Что касается населения Эфиопии, то здесь, как и с пигмеями, трудно решить вопрос о месте эфиопов в расовой систематике. Их можно считать либо самостоятельным вариантом в составе негроидной расы, сохранившим недифференцированный комплекс и европеоидных, и негроидных черт и, следовательно, близким австралоидному, либо результатом позднего смешения негроидов и европеоидов. В последнем случае Эфиопию нужно включать в зону вторичного смешения тропического и европейского стволов вокруг Средиземноморского бассейна.

Совершенно естественно, что гораздо более специализированные комплексы — европеоидный и негроидный — вытеснили протоморфную комбинацию из первоначального ареала. В настоящее время ни в Африке, ни тем более в Европе не фиксируется комбинаций признаков, которые напоминали бы австралоидные. Но в Южной Азии, в частности в составе населения Индии, среди некоторых оттесненных в джунгли и очень примитивных по культуре племен выявлена австралоидная комбинация — сочетание широкого носа, prognathного лица, темной кожи и массивного черепа с выраженным надбровьем¹⁰. Полагаю, что сохранение этой комбинации в составе современного населения намечает путь древней миграции австралоидов, оттесняемых из центра эйкумены, на восточную окраину первичного западного очага. Однако затем они были вытеснены и из Южной Азии на юго-восток континента, а в Юго-Восточной Азии к совместному давлению негроидных и европеоидных типов присоединилось давление монголоидов. В результате представители протоморфного австралоидного типа заняли незаселенную область эйкумены, где и сохранились до современности в условиях изоляции. Поэтому Австралию можно выделить в качестве третьего вторичного очага расообразования в составе первичного западного очага. История этого очага напоминает историю очага американского: основным расообразующим фактором была изоляция, вследствие которой законсервировался протоморфный комплекс признаков. Этим, очевидно, объясняется исключительная гомогенность антропологического состава коренного населения Австралии — почти полное тождество территориальных групп австралийцев и по морфологическим, и по физиологическим особенностям. Но изоляция привела и к новообразованиям: своеобразие австралийцев по соотношению *MN* представляет собой, по-видимому, следствие направленного генетико-автоматического процесса. Этим частично можно объяснить, очевидно, и другие специализированные черты морфологического облика австралийцев, которые совсем необязательно приписывать исходной протоморфной комбинации, например исключительно сильное развитие рельефа черепа.

Таким образом, западный очаг, как и восточный, на стадии формирования вторичных очагов расширил свою территорию, включив в нее и Австралию. Но в отличие от востока, сегментация процесса расообразо-

¹⁰ I. Schwidetzky, Die Australoiden Indians, «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 3, М., 1968.

вания происходила в трех областях, в одной из которых, как и в Америке, законсервировались протоморфные варианты. При оттеснении этих вариантов на окраину эйкумены и расселении более специализированных форм образовалась обширная зона вторичного смешения в Южной Азии. Связь ее со средиземноморской зоной пока гипотетична. Однако уже сейчас можно утверждать, что в Южной Азии к европеоидам и негроидам примешивался австралоидный элемент. В остальных двух областях преобладающим направлением расовых изменений были адаптивные, хотя к адаптации в результате селекции примешивались и другие расообразующие факторы (особенно в Европе). Последовательность возникновения вторичных очагов отражает этапы дифференциации западного ствола. Европейский очаг начал формироваться, вероятно, еще в конце мустьерской эпохи и окончательно сложился в верхнем палеолите. Африканский и австралийский очаги окончательно сложились, по-видимому, лишь в мезолите.

Вопросы терминологии

Вопросы терминологии нельзя считать основными при любом научном исследовании. Совершенно бесспорно, что понять явление гораздо важнее, чем обозначить его каким-либо термином. Сам термин не связан с существом явления и поэтому может быть выбран произвольно. Однако все термины в совокупности, особенно когда их мало, должны составлять систему. В противном случае, если имеется большое количество терминов, при выборе которых были применены разные критерии, непродуманная терминология вносит путаницу в понимание самих явлений.

При первом конспективном изложении в печати гипотезы очагов расообразования автор писал о необходимости разработки применительно к ней новой терминологии¹¹. Необходимость эта тем более очевидна, что существующая терминология далека от совершенства в силу случайного выбора терминов и их несопоставимости друг с другом. Традиционность и вытекающая отсюда привычность существующей терминологии не могут служить ее оправданием, так как единственным оправданием права на существование определенной системы терминов является единая логика их выбора. Этой логики нет даже в названиях больших рас: в одном случае основу термина составляет название части света (европеоиды), в другом — название одной страны (монголоиды), в третьем — собирательное название населения Африки (негроиды). Еще меньше логики в наименованиях отдельных подразделений внутри больших рас: они называются по сторонам света (северная и южная ветви европеоидов), по материкам (американоиды и австралоиды), по географическим областям (центральноазиатские монголоиды, арктические монголоиды), по водным бассейнам и горным системам (байкальцы, катангский тип, альпийцы), по этническим названиям (арменоиды и лапоноиды). Не рассматривая расовой терминологии в целом, что было бы оправдано только при изложении детальной антропологической классификации человечества, остановлюсь на терминологических рекомендациях, касающихся затронутой темы.

Раса представляет собою очень сложное явление, одновременно географическое, историческое и популяционное. В качестве пригодных можно поэтому выбирать географические названия рас, обозначать расы по этническим наименованиям, определять их по типу изменчивости входящих в состав расы популяций. Представляется достаточно очевидным, что исторические и популяционные процессы, связанные с расой, разво-

¹¹ Выступление на симпозиуме «Методы антропологического анализа, факторы формирования расовых признаков и принципы расовых классификаций», «Вопросы антропологии», вып. 20, 1965, стр. 20. Перепечатано: «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 3, М., 1968, стр. 572.

Стратиграфическая шкала		Абсолютный возраст в тыс. лет	Европа, Африка, Передняя и Южная Азия	Восточная Азия
Верхний плейстоцен	Поздний вюрм	20	Евразийская раса	Протоморфная амероазиатская раса
	Средний вюрм	40	Африканская раса	Восточноазиатская раса
	Ранний вюрм	70	Протоморфная евроафриканская раса	
	Рисс-вюрм	150	Схул	
Средний плейстоцен	Рисс	200		
	Миндель-рисс	300-350	?	Синантроп
Нижний плейстоцен	Миндель	500		
	Гюнц-Миндель	600		

Генеалогические взаимоотношения ископаемых гоминид и современных рас (стратиграфия и абсолютные датировки даны по работе И. К. Ивановой, см.: И. К. Иванова, Геологический возраст ископаемого человека, М., 1965)

вавшимися в них расам, за исключением последнего. Термин «австралийская раса» не будет охватывать аналогичные комбинации признаков протоморфной стадии. Поэтому лучше называть эту расу протоморфной евроафриканской. Два вторичных очага в составе первичного восточного — восточноазиатский и американский. Первое наименование подходит и для азиатской ветви амероазиатского ствола, предлагаемый термин для американской ветви — протоморфная амероазиатская (по аналогии с протоморфной евроафриканской).

Вместо выводов вниманию читателей предлагается схема, на которой графически представлены генетические и хронологические взаимоотношения между выделенными типами. На ней показаны связи современных рас с ископаемыми гоминидами. Беспорядочная штриховка означает мозаичный полиморфизм нижнепалеолитических архантропов, еще не распавшихся на четко выраженные локальные расы. От этой нижнепалеолитической группы идут две линии развития: одна — через си-

рачиваются на определенных территориях, приурочены географически. Поэтому логически целесообразно остановиться на географическом критерии выбора расовых названий, тем более, что он является основным и в расовом анализе. Это означает, что наименования расовых категорий должны выбираться в зависимости от их размещения и давать представление о географической приуроченности их ареала. Два первичных очага расообразования названы западным и восточным в соответствии с занимаемыми ими участками первоначальной эйкумены. Чтобы по возможности использовать существующую и уже широко применяемую терминологию, основные расовые стволы, сформировавшиеся в этих очагах, можно назвать евроафриканским и амероазиатским или так же, как и очаги, просто западным и восточным. Три вторичных очага в составе первичного западного приурочены к материкам, и их следует по материкам и называть — европейским, африканским и австралийским. Эти наименования можно повторить и по отношению к сформиро-

нантропа к современным монголоидам или, по терминологии автора, к восточной амероазиатской расе; вторая — к негроидам и европеоидам, т. е., в соответствии с той же терминологией, к западной евроафриканской расе. Гипотетические предки этой расы того же хронологического возраста, что и синантроп, пока не обнаружены, что находит отражение на схеме в прерывистой штриховке и вопросительном знаке. Автор должен подчеркнуть, что, отстаивая концепцию дицентризма, он в то же время целиком разделяет идею видového единства человечества.

SUMMARY

The hypothesis of race formation centres is extended to the upper Palaeolithic and the Mesolithic. The concept of a comparatively late formation of the Caucasoid and Negroid races from the Australoid race is argued. These are secondary race formation centres within the primary western centre. A third secondary centre is that of the protomorphic Australoids who have been driven back to the outlying areas of the Eucumene. Within the eastern primary centre two secondary centres may be distinguished — the Northeast Asian and the American. In the first centre a specialized Mongoloid complex of characters is formed, in the second — the protomorphic American complex is conserved.

In conclusion terminological problems are discussed, and the resulting suggestions are shown on the chart.
